

844 2/21
ЗАБОТЫ

О

БѢДНЫХЪ ДѢТЯХЪ ВЪ РОССІИ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

(ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ ШВЕДОВОЙ).

Экстра ордин. профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета

А. И. Маркевича.

ОДЕССА.

Тип. Шт. Войскъ Одесскаго военнаго Округа, Тираспольская, № 14.

1893.

ЦѢНА 40 КОП.

844 $\frac{2}{21}$

ЗАБОТЫ

О

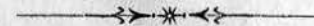
БѢДНЫХЪ ДѢТЯХЪ ВЪ РОССІИ.

ПУБЛИЧНАЯ ЛЕКЦІЯ.

(ПАМЯТИ НАДЕЖДЫ ЯКОВЛЕВНЫ ХИЗЕДОВОЙ).

Экстра-ордин. профессора Императорскаго Новороссійскаго Университета

А. И. Маркевича.

ОДЕССА.

Тип. Шт. Войскъ Одесскаго военнаго Округа, Тираспольская, № 14.

1893.

Печатано по распоряженію Правленія Императорскаго Новороссійскаго
Университета.
Ректоръ И. С. Некрасовъ.

Идеи имѣютъ свою судьбу, какъ и все другое на свѣтѣ. Очень часто идеи, слывшія блестящими и плодотворными, увлекавшія все общество и вызывавшія въ немъ стремленіе видѣть ихъ скорую реализацію на практикѣ, затѣмъ внушаютъ обществу разочарованіе, какъ непримѣнимыя, или даже ложныя, и, наконецъ, вовсе теряются изъ виду для руководства въ практической дѣятельности, оставляя свой слѣдъ только въ исторіи и даже, пожалуй, вызывая у практическихъ людей улыбку своею предполагаемою утопичностью. Все это очень обычно, и въ большинствѣ случаевъ такое отношеніе къ скороспѣлымъ идеямъ бываетъ и справедливо; но историкъ иногда не безъ сожалѣнія припоминаетъ о какой-либо идеѣ, блестящимъ метеоромъ озарившей общество и потухшей будто бы вслѣдствіе практической невозможности своего осуществленія; историкъ далеко не всегда можетъ сознаться, что позднѣйшая практика гуманнѣе, прогрессивнѣе бывшей утопіи.

Въ настоящее время въ обществѣ наступило не только критическое, но даже отрицательное отношеніе къ такъ наз. идеямъ XVIII в. Практическіе люди не могутъ не смѣяться надъ вѣрою того времени, что чуть ли не въ 24 часа можно (не прибѣгая къ чудесной помощи Провидѣнія, конечно) устроить государственный, общественный, экономическій и даже этический строй на началахъ справедливости и разумности, что стоитъ людямъ лишь показать, въ чемъ состоитъ истина (теоретики XVIII в. наивно вѣровали, что они ею уже обладаютъ), и люди сами поймутъ все счастье жить по законамъ правды и разума.

Какая утопія! Конечно, человечеству никогда не было предложено другой, столь неосуществимой. И разочарование не заставило себя ожидать: Начала справедливости и разумности были замѣнены такими, что о нихъ съ презрѣніемъ отказался писать историкъ, даже неособенно брезгливый (Шлоссеръ). Людей, на которыхъ по принципу справедливости такъ недавно смотрѣли, какъ на героевъ, стали распределять, какъ скотъ; разумность дѣйствій сдѣлалась старою сказкою, свобода привела къ тиранству, равенство — къ требованію кастичности, братство — къ братоубійственнымъ войнамъ.

Среди этого крушенія идей XVIII в. испытала крушеніе и идея благотворительности. Благотворительность сама по себѣ, конечно, осталась, и нѣтъ опасенія, чтобы она когда-нибудь могла прекратиться; этого не допустить, не смотря на всѣ статистическія или полицейскія (въ научномъ смыслѣ) соображенія, ни религіозныя вѣрованія общества, которому съ молодыхъ лѣтъ такъ или иначе внушается, что вѣра безъ дѣла мертва есть, ни этическихъ представленія людей, вѣрующихъ иначе. Но изъ благотворительности исчезъ тотъ спеціальныи смыслъ, который придавалъ ей XVIII в., воспитанный на идеяхъ сентиментализма, видѣвшаго въ бѣднякѣ не только человека, нуждающагося въ подаваніи, но и безвѣстнаго героя, сохраняющаго, именно вслѣдствіе своей бѣдности, самыя простыя и чистыя чувства, вслѣдствіе чего и самая благотворительность чужда была желанія дать почувствовать бѣдняку, что для него дѣлается и какъ онъ за это долженъ быть благотворителямъ благодаренъ и обязанъ. Пусть люди XVIII в. разсуждали въ данномъ случаѣ и ошибочно, но ошибка ихъ была благороднымъ заблужденіемъ.

Не имѣя цѣли выяснить все, сказанное мною, характеристикою вообще благотворительности въ XVIII в., я остановлюсь лишь на одной частной ея области — на благотворительности въ примѣненіи къ бѣднымъ дѣтямъ, какъ потому, что это едва-ли не самый важный и плодотворный отдѣлъ ея, такъ и въ виду чисто выѣшнихъ, весьма понятныхъ*) причинъ.

*) Настоящая публичная лекція была прочтена, по инициативѣ Н. Я. Шведовой, въ пользу Общества попеченія о больныхъ дѣтяхъ г. Одессы, въ которомъ покойная Н. Я. Шведова была товарищемъ предсѣдателя и главнымъ дѣятелемъ.

Благотворительность въ примѣненіи къ дѣтямъ имѣетъ довольно разнообразный характеръ. Оказываютъ помощь, конечно, тѣмъ дѣтямъ, которые въ ней нуждаются, т. е. дѣтямъ бѣднымъ вообще, а въ частности малолѣтнимъ, или даже новорожденнымъ; также—больнымъ, напр. слѣпымъ, глухонѣмымъ, слабоумнымъ, калѣкамъ и др. Но, хотя необходимость помощи всѣмъ этимъ группамъ дѣтей вытекаетъ главнымъ образомъ изъ общаго принципа благотворительности, все же относительно той или другой группы есть разница въ характерѣ ея. Лицамъ иныхъ группъ надо спасти жизнь, лицамъ другихъ доставить средства къ жизни, третьи болѣе всего нуждаются въ экстренныхъ способахъ содѣйствія ихъ умственному развитію. Все это, разумѣется, безконечно важно; однако эти виды благотворительности имѣютъ то свойство, что благотворители, преслѣдуя вполне конкретныя цѣли: спасти жизнь новорожденному, вылѣчить больного ребенка, доставить средства къ жизни слабоумному, обучить глухонѣмого, —этимъ обыкновенно и ограничиваются. Иное дѣло—вопросъ о призрѣніи бѣдныхъ дѣтей вообще съ цѣлью дать имъ воспитаніе. Въ этомъ случаѣ въ распоряженіи благотворителей находится такая масса дѣтей—будущихъ гражданъ, что воспитаніе ихъ можетъ имѣть значеніе даже для государства; съ другой стороны трудно удержаться отъ мысли, что, располагая такимъ количествомъ дѣтей, можно, не идя противъ воли семьи (которой они въ огромномъ большинствѣ случаевъ не имѣютъ), путемъ воспитанія достигнуть какихъ-либо цѣлей, важныхъ въ интересахъ государства и общества. XVIII вѣкъ именно обратилъ на эту сторону вопроса особенное вниманіе, и мнѣ кажется, что онъ былъ правъ, что заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ дѣйствительно могутъ стать важнымъ орудіемъ въ рукахъ государства, какъ главнаго благотворителя (что признавалъ и XVIII в.), и что напрасно государство XIX в. свело это дѣло на почву обыкновенной благотворительности, предоставивъ прогрессировать благотворительности частной — и недостаточно сильной, и въ значительной степени дѣйствующей въ разбродъ.

Я не буду утруждать васъ, М. Г—рыни и М. Г—ри, изложеніемъ здѣсь тѣхъ заботъ о бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя существовали въ различныхъ государствахъ З. Европы или даже въ Россіи до XVIII в.: объ этомъ можно прочесть въ любомъ подробномъ учебникѣ полицейскаго права (напр., можно указать

на хотя и устарѣлый, но все же весьма почтенный трудъ московскаго профессора Лешкова: Русскій народъ и государство). Формы благотворительности были все тѣ же, которыя существуютъ и въ настоящее время. Призрѣвались бѣдные дѣти вообще, а преимущественно сироты; кое-гдѣ видимъ заботы о новорожденныхъ и о больныхъ; особенно настаивала на благотворительности относительно дѣтей, какъ и слѣдуетъ ожидать, христіанская церковь; мы знаемъ пастырей ея, устранившихъ обширныя сиропитательныя заведенія. Почтенную извѣстность стяжали себѣ и зап. европейскіе благотворители, заботившіеся о воспитаніи слѣпыхъ, глухонѣмыхъ и т. п.

Но, какъ я сказалъ выше, въ XVIII в. заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ приобретаютъ особый характеръ. Въ заботахъ о нихъ общество видитъ могучее средство для спеціальной пропаганды передовыхъ идей. Необходимо поэтому хотъ вскользь выяснитъ, что это были за идеи и какими способами должны были насаждаться онѣ въ умахъ призрѣваемыхъ дѣтей. Въ послѣднемъ случаѣ я останавлиюсь преимущественно на Россіи, не только потому, что лучше знакомъ съ воспитательными теоріями, существовавшими въ XVIII в. въ Россіи, чѣмъ за границею, но еще и на томъ основаніи, что нигдѣ заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ не были, если можно выразиться, такъ принципиальны, какъ въ Россіи, нигдѣ не было такой большой разницы между воспитательными теоріями и жизнью общества; поэтому здѣсь именно чрезвычайно удобно сдѣлать эти теоріи и ихъ значеніе предметомъ анализа.

XVIII в. называютъ вѣкомъ просвѣщенія; дѣйствительно, въ это время просвѣщеніе сдѣлало гигантскіе успѣхи. Это было частью слѣдствіемъ просвѣщенія прежнихъ вѣковъ, такъ какъ просвѣщеніе и само въ себѣ носитъ способность распространенія, если не встрѣчаетъ для себя какихъ-либо чисто внѣшнихъ препятствій. Въ XVIII же вѣкѣ развитію образованія даже содѣйствовалъ довольно мирный характеръ эпохи сравнительно съ предшествующими, ибо ничто и по многимъ причинамъ такъ не тормозитъ мирнаго прогресса жизни и распространенія просвѣщенія, какъ громъ оружія. Правители почти всѣхъ з. европейскихъ государствъ (государи или вліятельные министры), хотя и вполнѣ абсолютныя по характеру своей власти, были людьми образованными, передовыми, смотрѣвшими на себя, какъ на пер-

выхъ работниковъ въ своемъ государствѣ, и въ свою широкую программу дѣятельности для его блага вводили и мѣры просвѣтительнаго характера.

Но въ просвѣщеніи XVIII в., хотя и неглубокомъ вообще и мало проникавшемъ въ массу, была одна чрезвычайно интересная черта — то, что называется раціонализмомъ, разумностью. Отъ каждой науки требовалось не только, какъ прежде, чтобы она открывала и описывала извѣстный рядъ явленій, но чтобы она выясняла непременно дѣйствующіе въ нихъ законы природы; вѣрилось и утверждалось, что во всемъ — въ природѣ и въ жизни — существуетъ законосообразность, и только нужно ее понять.

Эта вѣра въ раціональность всего существующаго въ природѣ была слѣдствіемъ необыкновенно широкаго развитія естествознанія, выяснившего законосообразность такихъ явленій природы, которымъ до того придавали сверхъестественный характеръ. Полный порядокъ, доступный человѣческому разуму и даже выражаемый языкомъ точной математической формулы, господствуетъ среди свѣтилъ небесныхъ; низводится на землю громъ и молнія, стихіи разлагаются на составляющіе ихъ элементы; строеніе тончайшихъ организмовъ и ихъ дѣятельность объясняются дѣйствіемъ физическихъ и химическихъ законовъ; констатируется зависимость психическихъ явленій отъ фізіологическихъ процессовъ; не представляютъ чудесной загадки сложнѣйшія нервныя болѣзни и т. д. и т. д. Немудрено, что, пораженный такимъ могуществомъ человѣческаго разума въ проникновеніи тайнъ природы, человѣкъ доходилъ до отрицанія всего сверхъестественнаго въ ней и единственнымъ божествомъ провозглашалъ человѣческій же разумъ.

Но такъ какъ, въ дѣйствительности, не только сверхъестественное, но и то, что при дальнѣйшемъ развитіи естествознанія могло бы стать предметомъ научнаго изслѣдованія (и стало имъ, напр. въ XIX в.), въ XVIII далеко еще не было разъяснено, то мысль ученаго, а тѣмъ болѣе диллетанта, недостаточно знакомаго съ реальнымъ состояніемъ знаній, опережала эти знанія и не только утверждала законосообразность неразъясненныхъ явленій природы, но даже думала, что здѣсь законы уже извѣстны, и на основаніи ихъ могутъ совершаться практическіе результаты, увлекая на этотъ путь и еще менѣе образованное

общество; припомнимъ Месмера, лѣчившаго магнетизированіемъ, Калиостро, утверждавшаго, что имъ открытъ философскій камень, Галля и Лаватера создавшихъ цѣлую науку опредѣленія свойствъ человѣка по неровностямъ его черепа. Намъ безразлично, имѣемъ ли мы дѣло въ данномъ случаѣ съ людьми наивно-вѣрующими или просто съ шарлатанами — источникъ заблужденія общества былъ одинъ и тотъ же — вѣра въ безпредѣльное могущество человѣческаго разума.

Увѣренность, что въ природѣ все рационально, заставляла искать такой же рациональности и въ мірѣ людскихъ отношеній. Чтобы быть хорошими, отношенія между государствами, отношенія между государствомъ и людьми, входящими въ его составъ, и вообще между людьми должны быть рациональными; отсюда требованіе рационализма отъ законодательства. Придумывались законы не соответствующими съ требованіями дѣйствительности или съ историческою жизнью народа, а въ силу исключительно логическихъ соображеній. Наилучшее государственное и общественное устройство то, которое строго логично, наиболѣе рационально. На практикѣ, руководясь частью такими абстрактными соображеніями, частью знакомствомъ съ конституціями Англіи и особенно Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, причемъ противорѣчія, существовавшія въ этихъ конституціяхъ съ точки зрѣнія рационализма (напр., рабство), умышленно или неумышленно игнорировались, теоретики вырабатывали будто бы идеальный строй, реализація котораго во всѣхъ государствахъ не только даруетъ имъ счастье, но осуществить царство свободы, равенства и братства въ ближайшемъ будущемъ на всемъ земномъ шарѣ. Тотъ же самый рационализмъ требовался и отъ экономическихъ и отъ этическихъ отношеній. Словомъ, всѣ отношенія между людьми должны были стать рациональными. — Литература, которая всегда является показателемъ того, что происходитъ въ обществѣ, немедленно отразила на себѣ этотъ процессъ. Имѣя дѣло съ идеалами, литература должна была принять то направленіе, которое выставило бы идеалы наиболѣе рациональные, или по крайней мѣрѣ такими казавшіеся. Такъ и случилось.

Съ того времени, какъ зап. европейская мысль стала освобождаться отъ господства надъ нею авторитета католической церкви съ ея аскетическими идеалами, въ Зап. Европѣ до самаго XVIII в. идеалы были аристократическіе. Идеальные люди — это

герои великихъ подвиговъ; если не государи, то все же очень знатныя лица. Это вполне соответствовало и значенію аристократіи въ то время, и увлеченію извѣстными тогда произведеніями классической литературы, изображавшими боговъ да героевъ. Но въ XVIII в. происходитъ въ литературѣ революція, потому что происходитъ она и въ самомъ обществѣ.

Благодаря развитію промышленности и торговли, въ Зап. Европѣ къ XVIII в. складывается весьма богатое такъ называемое третье сословіе, молодые представители котораго очень часто ни по уму, ни по образованію, ни по вкусамъ, ни по богатству, словомъ ни въ какомъ отношеніи не уступали современной имъ аристократіи, если даже не превосходили ея, а въ нравственномъ — несомнѣнно превосходили, ибо нравы аристократіи въ XVIII в. были, можно сказать, отрицательно-идеальными. Между тѣмъ третье сословіе довольно рѣзко отличалось отъ аристократіи политическими правами и взглядъ общества все еще какъ то отбѣнялъ аристократію. Третье сословіе естественно и стремилось уравнивать себя съ нею, а такъ какъ оно происходило изъ народа и выдѣлилось изъ него въ культурномъ отношеніи столь недавно, что хорошо это помнило, а въ юридическомъ даже и не было отдѣлено отъ народа, то оно и требовало правъ во имя всего народа, въ которомъ должны раствориться всѣ сословія, такъ какъ всѣ люди равны. Но чѣмъ же могутъ быть идеальны герои изъ народа? Не геройскими подвигами, которые вывели бы совершившихъ ихъ лицъ изъ среды народа; остается героизмъ чувствъ. Герой не тотъ, кто совершилъ геройское дѣло — это иногда случайность, которой могло и не быть; герой тотъ, у кого геройскія чувства. Онъ можетъ не совершить геройскихъ подвиговъ, но — это уже случайность, такъ какъ онъ на нихъ всегда способенъ. Носителемъ же геройскихъ чувствъ является народъ, народъ вообще безъ различія національностей. Если это такъ, то источникъ этого героизма надо искать въ глубокой древности, т. е. когда народъ жилъ внѣ цивилизаціи, ибо она разнообразитъ народы, выдѣляетъ сословія, словомъ портитъ людей; идеальные люди были въ доисторическомъ прошломъ, въ бытѣ дикарей, гдѣ всѣ люди жили одинаково просто, руководясь лишь своими простыми чувствами. Какъ хорошо, восклицаютъ мечтатели, все то, что вышло изъ рукъ Природы, и какъ все

испорчено цивилизаціей! Она портитъ людей и лишаетъ ихъ счастья!

Блаженные мечты! какъ далеки онѣ отъ насъ! Но не будемъ смѣяться надъ этими увлеченіями. Припомнимъ, что такъ увлекались Ж. Ж. Руссо, Дидро, Лессингъ, Шиллеръ, Гёте и еще десятки людей, служившихъ свѣточами человѣчеству; что даже и въ настоящее время, при отличномъ сравнительно съ XVIII в. знаніи народной жизни, въ З. Европѣ (напр. въ романахъ Эллиота, Шпильгагена, Золя), а особенно въ Россіи (въ сочиненіяхъ Гр. Льва Толстого, Гл. Успенскаго, Энгельгардта) существуетъ вліятельная тенденція считать идеальною для образованныхъ людей мужицкую философію — въ томъ смыслѣ, что то, до чего образованный человѣкъ можетъ дойти путемъ чрезвычайно высокаго умственнаго и нравственнаго развитія, уже само собою существуетъ въ простомъ народѣ, какъ результатъ опыта тысячелѣтій, или какъ слѣдствіе полной власти надъ человѣкомъ природы, даже просто земли. Припомнимъ, наконецъ, и существующія философскія ученія, отрицающія связь прогресса съ развитіемъ цивилизаціи, или даже отрицающія и самое существованіе прогресса, — и не будемъ въ силу своей практичности строго осуждать утопистовъ, исходнымъ пунктомъ мечтаній которыхъ все же было желаніе доставить счастье всему человечеству.

Какъ бы то ни было, но въ концѣ концовъ въ XVIII в. сложились довольно опредѣленные рационалистическіе идеалы, реализовать которые и представлялось прямою задачею не только общества, но и государства.

Носителями этихъ идеаловъ сперва являлись немногіе передовые умы; для своего достиженія идеалы нуждались въ популяризаціи, къ чему и предпринимались всѣ возможные тогда мѣры. Особенное значеніе придавалось публицистикѣ, и съ каждаго листка издававшихся въ XVIII в. журналовъ и газетъ; книгъ и брошюръ лились въ общество рационалистическія идеи; той же цѣли служили и публичныя лекціи; сильная пропаганда шла путемъ литературныхъ обществъ и модныхъ дамскихъ салоновъ; тѣ же идеи высказывались съ театральной сцены; словомъ, пущены были въ ходъ всѣ средства для пропаганды.

Но эти средства главнымъ образомъ могли дѣйствовать на людей взрослыхъ, развитіе которыхъ было достаточно сформи-

ровано. Усвоивъ раньше путемъ рутины массу устарѣлыхъ представленій, люди эти въ рѣдкихъ случаяхъ могли быть ревностными адептами новыхъ доктринъ; чаще же ихъ философія уже была испорчена, и они были людьми не дѣла, а слова, т. е. просто украшали свою, очень обыкновенную жизнь цвѣтами краснорѣчія въ рационалистическомъ духѣ.

Сама собою напрашивалась поэтому мысль о необходимости воспитанія въ такихъ идеяхъ дѣтей, которыя, выросши, естественно стали бы болѣе искренними послѣдователями новыхъ ученій, т. е. людьми не слова, а дѣла; отсюда понятно то огромное значеніе, которое долженъ былъ придать XVIII в. дѣтскому воспитанію, отчасти ясенъ уже и самый характеръ его. Но, воспитывая дѣтей, невозможно было не считаться съ семейными традиціями. Какъ не архаичны, какъ ни нелѣпы иногда онѣ казались, но игнорировать ихъ было невозможно; странная мысль воспитывать дѣтей, не отрывая ихъ отъ семьи, въ духѣ отрицанія семейныхъ традицій тогда еще никому въ голову не приходила; оставалось — отрывать дѣтей отъ семьи, если она этого сама пожелаетъ, и заключать ихъ въ строгозамкнутыя воспитательныя заведенія. Это и бывало; но воспитатели не могли не сознавать, что дѣло представляетъ значительныя затрудненія, такъ какъ воспитываемымъ все же приходится возвращаться въ ту же семью. И вотъ, для болѣе удачныхъ педагогическихъ экспериментовъ представлялась полная возможность существованіемъ такихъ дѣтей, которыя не имѣли вовсе семьи, или имѣли ее въ такомъ видѣ, что обособленіе отъ нея дѣтей путемъ воспитанія сама семья могла считать счастьемъ и для себя, и для дѣтей, т. е. именно существованіемъ бѣдныхъ дѣтей.

Ниже мы будемъ говорить подробно, какъ воспитывали въ XVIII в. бѣдныхъ дѣтей, какъ стремились создать изъ нихъ новую породу людей; но раньше, чѣмъ перейти къ этому основному для насъ вопросу, намъ еще необходимо указать, что принципъ рациональности былъ примѣненъ и къ самому воспитанію, почему оно въ значительной степени измѣнило свой характеръ, независимо отъ вкладываемаго въ него содержанія.

До XVIII в. воспитаніе имѣло задачею создавать специалистовъ съ понятною цѣлью облегчить человѣку возможность стать практическимъ дѣятелемъ; лишь въ сочиненіяхъ знаменитаго чешскаго педагога Амоса Комменіуса, исполняющееся трех-

сотлѣтіе со дня рожденія котораго собирается вскорѣ почтить русское общество, правду сказать имѣющее о Комменіусѣ довольно смутное представленіе,—лишь у Комменіуса выставлены требованія относительно воспитанія въ человѣкѣ его духа. XVIII вѣкъ подошелъ къ вопросу о воспитаніи инымъ путемъ. Исходя изъ рационалистическаго признанія полной зависимости духовной жизни человѣка отъ его тѣлесной природы и совершенно отрицая прирожденные способности у человѣка, считали важнейшимъ дѣломъ — воспитаніе человѣческаго тѣла, хотя и справедливо утверждая, что здоровый духъ въ здоровомъ тѣлѣ, но понимая эту сентенцію слишкомъ ужъ буквально. Такое тѣлесное воспитаніе лучше всего было устроить на лонѣ природы, гдѣ удобнѣ заботиться о здоровьи воспитываемыхъ, о ихъ питаніи, помѣщеніи, гуляніяхъ, гимнастикѣ. Иные педагоги находили даже, что все воспитаніе лучше всего предоставить самой природѣ; оно будетъ рациональнѣе и гармоничнѣе разовьетъ всѣ тѣлесныя и душевныя способности человѣка, тогда какъ люди только портятъ добрые уроки природы, и отъ искусственнаго воспитанія въ сущности происходятъ всѣ пороки въ обществѣ, всѣ преступленія и всѣ несчастія. Даже обученіе отодвигалось при этомъ на второй планъ: образованіе даже вредно безъ добродѣтели! Педагоги того времени въ воспитаніи не мало помогали природѣ, но непоследовательность тутъ не сознавалась, ибо мѣры помощи тоже исходили изъ рационалистическихъ воззрѣній.

Теперь мы въ достаточной мѣрѣ ознакомились съ идеями XVIII в. относительно заботъ о тѣхъ бѣдныхъ дѣтяхъ, которыя болѣе всего нуждались въ воспитаніи и на которыхъ поэтому можно было дѣлать педагогическіе эксперименты. Прежде всего надо заботиться о спасеніи жизни дѣтей, если ихъ жизни грозитъ опасность, заботиться о лѣченіи ихъ, если это нужно; но, главное, нужно озаботиться о ихъ воспитаніи: это нужно и для нихъ, а еще болѣе для общества, даже для государства.

Воспитывать бѣдныхъ дѣтей нужно (какъ и всякихъ, впрочемъ, дѣтей) при такихъ условіяхъ, чтобы воспитаніе не отравляло ихъ здоровья, а, наоборотъ, какъ можно сильнѣе укрѣпляло его, поэтому удобнѣ всего воспитывать на лонѣ природы; затѣмъ, чтобы воспитать въ нихъ требуемый вѣкомъ духъ надо ихъ вполне изолировать отъ общества (семьи они, предпола-

гается, не имѣютъ, что довольно удобно для воспитанія); при воспитаніи ихъ надо имѣть главною цѣлью — созданіе новой породы людей, основными чертами которой должны быть — простота жизни, близкой съ народной (съ сильною впрочемъ оговоркою: насколько воспитатели ее знали), возвышенность чувствъ, которая воспитывалась не жизненною практикою — Боже избави! отъ нея то болѣе всего и хотѣли отстранить воспитываемыхъ,— а заучиваніемъ моральныхъ сентенцій, для доказательства которыхъ если и брались примѣры, то только изъ исторіи, съ спеціальнымъ приспособленіемъ ея къ даннымъ сентенціямъ. Воспитываемые могли кое-чему и учиться; но всѣ знанія приобретались ими не иначе, какъ въ рационалистической окраскѣ; это не имѣло характера умышленной тенденціи, ибо вполне соответствовало умственному развитію того времени, о чемъ мы уже говорили выше.

Теперь посмотримъ, какъ это все происходило въ дѣйствительности, и именно у насъ на Руси.

Древняя Русь помогала бѣднымъ дѣтямъ случайно, по просту, какъ Богъ пошлетъ, и насколько это было по средствамъ церкви и общества; для XVIII в. этого уже было мало, такъ какъ въ Зап. Европѣ издавна (въ Миланѣ, напр., съ конца VIII в., въ Монпелье съ конца XII в.) существовали при церквахъ воспитательныя дома и пріюты подкидышей, въ Неаполѣ въ XVI в. существовало для заботъ о подкидышахъ благотворительное общество, состоявшее изъ старухъ и старыхъ дѣвъ, подъ названіемъ Conservatorio; въ Парижѣ во второй половинѣ XVII в. основанъ былъ огромный правительственный воспитательный домъ и т. д. Пришлось въ XVIII в. двинуться и Россіи, и вотъ въ 1707 г. Новгородскій Митрополитъ Іовъ устраиваетъ въ своей епархіи пріютъ для брошенныхъ дѣтей. Восемью годами позже Петръ В. учредилъ воспитательный домъ, какъ спеціальныя пріюты для подкидышей, и притомъ съ самымъ широкимъ пріемомъ дѣтей черезъ окно, «дабы приношенныхъ лицъ было не видно». Устраивая пріюты для «беззаконно» рожденныхъ дѣтей, Петръ былъ къ тому побуждаемъ уже не столько гуманными цѣлями, сколько желаніемъ увеличить такимъ путемъ народонаселеніе, о чемъ въ Россіи въ XVIII в. очень заботились; можетъ быть даже Петръ предвосхитилъ идею Наполеона I, желавшаго путемъ пріютовъ для подкидышей вос-

питать побольше солдатъ, о чемъ и Петръ В. очень заботился. Какъ бы то ни было, но результаты, получившіеся отъ широкой благотворительности Петра В., оказались, къ сожалѣнію, болѣе чѣмъ печальными, ибо за первые четыре года существованія С.-Петербур. Воспитательнаго дома изъ каждой сотни поступавшихъ туда дѣтей умирало 98. Такая смертность не была специально С.-Петербур. Восп. дома; тѣ же результаты были и въ заграничныхъ домахъ; въ парижскомъ институтѣ въ XVIII в. умирало свыше 90% попадавшихъ въ него дѣтей, въ лондонскомъ въ половинѣ XVIII в. умирало 84% и т. д.

Со смертью Петра В. дѣло благотворительности въ примѣненіи къ дѣтямъ въ Россіи было забыто, и И. Екатеринѣ II надо было начинать съизнова организацію ея.

Какъ извѣстно, И. Екатеринѣ II, не смотря на страстное желаніе ея стать русской императрицею, пришлось довольно долго ждать этого; но она не потеряла времени, съ пользою подготавливаясь къ будущему своему назначенію. Подготовка эта была исключительно литературная, и такимъ путемъ въ политическіе взгляды И. Екатерины вошли мнѣнія современныхъ ей передовыхъ зап. европ. писателей. Взойдя на престолъ нѣсколько необычайнымъ способомъ, Императрица чувствовала необходимость представить свой поступокъ сдѣланнымъ для блага народа, а такъ какъ первое же знакомство ея съ существующими порядками открыло полную дезорганизацію ихъ вслѣдствіе событій, происходившихъ въ Россіи со времени смерти Петра В., то Екатерина полагала, что благо народа требуетъ реформъ, которыя совершенно измѣнили бы существующіе порядки, сдѣлавъ ихъ болѣе зап. европейскими въ духѣ современнаго ей рационализма. Въ то же время весьма умѣстнымъ казалось о недостаткахъ русской жизни и средствахъ исправленія ихъ спросить у самого русскаго общества. Подъ вліяніемъ такого сознанія созвана была знаменитая коммиссія для составленія проекта новаго уложенія. Останавливаясь на дѣятельности ея намъ здѣсь не приходится, такъ какъ, насколько мнѣ извѣстно, ни въ наказахъ депутатамъ (неполнѣ еще напечатанныхъ) не сдѣлано было какихъ либо относящихся къ интересующему насъ вопросу заявленій (за исключеніемъ ходатайства объ устройствѣ университета, чего желали южно-русскіе депутаты); вѣроятно, тогдашнее русское общество не придавало не только благотворительности, но и са-

мому воспитанію важнаго значенія, — ни въ работахъ коммиссіи объ этомъ говорено не было. Но въ руководство для занятій въ коммиссіи Екатерина дала Наказъ, обработанный ею по сочиненіямъ зап. европейскихъ ученыхъ и публицистовъ. Въ Наказѣ, между многими другимъ, говорилось и о важности воспитанія, недостаткомъ котораго объяснялись самыя преступленія; указывалась необходимость образованія у насъ третьяго сословія или, какъ неудачно выражались въ то время, средняго рода людей; наконецъ, мелькали выраженія и о пользѣ благотворительности.

Идеи, заключавшіяся въ Наказѣ, хотя и не послужили руководствомъ для коммиссіи, которая вскорѣ была распущена, почти и не начавъ своего дѣла; но онѣ въ значительной степени обусловили дальнѣйшее теченіе русской общественной жизни, и въ томъ числѣ сильно сказались въ вопросахъ о воспитаніи и благотворительности.

Совершенно естественно, что занятая тѣми государственными дѣлами, которыя казались ей особенно важными, напр. иностранною политикою, И. Екатерина не могла лично удѣлять много вниманія заботамъ о воспитаніи и благотворительности, хотя и сознавала ихъ значеніе, какъ это видно изъ ея сочиненій, среди которыхъ весьма многія посвящены имъ; но Екатерина II обладала качествомъ, присущимъ гениальнымъ правителямъ, — умѣніемъ выбирать себѣ сотрудниковъ и поручать имъ тѣ отрасли дѣла, въ которыхъ дѣятельность ихъ могла быть наиболѣе плодотворною. Тронъ ея окружали такіе дипломаты, какъ Безбородко, полководцы, какъ Суворовъ, администраторы, какъ Потемкинъ, писатели — Державинъ и Фонъ-Визинъ, духовныя лица, какъ Митр. Платонъ; Кн. Орловъ, избавлявшій себя отъ труда заниматься государственными дѣлами, хотя и получавшій за это важныя награды, шелъ, когда нужно было, въ чумный госпиталь и дѣлалъ это скромно, безо всякой аффектаціи и не разсчитывая на награды. Нашла Императрица для себя и подходящаго министра по дѣламъ воспитанія и благотворительности въ лицѣ Ивана Ивановича Бецкаго.

Если право быть министромъ по воспитанію въ Россіи Бецкой могъ раздѣлять со всякимъ другимъ образованнымъ чело-вѣкомъ Екатерининскаго времени, то для заботъ о бѣдныхъ дѣтяхъ у него были спеціальныя причины: Бецкой былъ самъ побочнымъ сыномъ. Отецъ его Кн. Трубецкой, бывши въ швед-

скомъ плѣну, скрылъ, что онъ женатъ, и женился вторично. Когда онъ вернулся въ Россію, вторая семья его не могла быть признана законною; дѣти его и приняли фамилію Бецкихъ. Принадлежа и по образованію и по состоянію къ аристократіи, Бецкой сдѣлалъ видную дипломатическую карьеру; но его происхожденіе могло быть для него и источникомъ непріятныхъ минутъ въ жизни, почему онъ и относился такъ страстно къ вопросу о незаконныхъ дѣтихъ и подкидышахъ и въ бытность за границею съ особеннымъ интересомъ, гдѣ только могъ, знакомился съ пріютами для подкидышей. Бецкой отказался принять впослѣдствіи титулъ Кн. Трубецкого, когда ему это было предложено, отвѣтивъ, что онъ сталъ извѣстенъ подъ именемъ Бецко́го и гордится этимъ именемъ. Съ И. Екатериною Бецко́го связывали давнія и разнообразныя тѣсныя отношенія. Онъ былъ близкимъ другомъ ея родителей, по поводу чего даже ходили нѣкоторые сплетни, достаточно опровергнутыя современными изслѣдователями; Бецкой принималъ дѣятельное участіе въ возведеніи И. Екатерины на престолъ и распоряжался ея коронаціей; словомъ, былъ однимъ изъ самыхъ довѣренныхъ людей Императрицы.

Ума Бецкой былъ невыдающагося, но онъ замѣнялъ его образованіемъ, извѣстною культурностью и порядочностью въ жизни, а, главное, у него слово не расходилось съ дѣломъ и, принявши на себя заботы о какомъ либо дѣлѣ, Бецкой отдавался ему вполне добросовѣстно и серьезно; это и сказалось въ его заботахъ о бѣдныхъ дѣтихъ.

Когда, согласно съ идеями своего времени, Императрица рѣшилась въ самомъ началѣ своего царствованія вызвать къ жизни благотворительно-воспитательныя учрежденія, руководствуясь принципами самой широкой филантропіи и рассчитывая, кромѣ того, создать изъ воспитываемыхъ на счетъ казны дѣтей третье сословіе, она обратилась къ помощи Бецко́го, который лѣтомъ 1763 г. представилъ обстоятельный проэктъ воспитательнаго дома. Ему предшествуетъ очень торжественное обращеніе къ Императрицѣ, въ коемъ Бецкой указываетъ, что всѣмъ давшееся Ея великодушіе заставляетъ его просить о милосердіи, собо́лзнованіи и высокой помощи именемъ великаго множества несчастнѣйшихъ въ родѣ человѣческомъ, коихъ бѣдственное состояніе отъ Императрицы всегда, да и отъ всего свѣта по большей части, скрыто бываетъ, и которые сами о своей бѣдности

принести жалобы не въ состояніи. Онъ поясняетъ далѣе, что онъ разумѣетъ при этомъ бѣдныхъ дѣтей, подкидышей, которые часто бываютъ даже умерщвляемы своими родителями; между тѣмъ, независимо отъ огорченія, причиняемаго Императрицѣ этими преступленіями, важно и то, что Она лишается значительнаго числа подданныхъ, которые, по надлежащемъ воспитаніи, могли бы быть полезными членами общества. Мѣрою помощи Бецкой считаетъ учрежденіе воспитательнаго дома, какіе онъ видѣлъ за границею; онъ самъ готовъ учредить таковой, прося лишь о дачѣ ему въ Москвѣ извѣстнаго участка земли съ постройками—той самой, гдѣ находится Московск. Воспитат. домъ и въ настоящее время.

Проектъ открывается предувѣдомленіемъ къ читателямъ и особенно къ читательницамъ, которыхъ онъ называетъ любезными, гдѣ Бецкой разсуждаетъ о воспитательныхъ домахъ и дѣчбницахъ для дѣтей, ихъ цѣли и характеръ и разсказываетъ, какія учрежденія этого рода видалъ онъ за границею и какіе прекрасные результаты ими достигались. Нечего и пояснять, что эти результаты соответствуютъ воспитательнымъ идеямъ XVIII в.

За этимъ слѣдуетъ генеральный планъ И. Воспитательнаго дома и госпиталя. Здѣсь сначала говорится о начальникахъ и служителяхъ Воспит. дома и видно, что Бецкой желалъ привлечь къ опеку надъ бѣдными дѣтьми особъ высокопоставленныхъ, заманивая ихъ не столько мундирами, сколько памятью въ потомствѣ о ихъ добродѣтели, чему, за особенно важныя пожертвованія, помогло бы сохраненіе въ Воспит. домѣ ихъ портретовъ. Штатъ служащихъ предполагается большой и разнообразный. Затѣмъ говорится о принимаемыхъ на весьма широкихъ основаніяхъ въ Воспит. домъ младенцевъ (за всякаго принесеннаго младенца выдавалось по 2 рубля), о заботахъ о нихъ, ихъ обученіи, общемъ и ремесленномъ, о госпиталѣ, о финансовой сторонѣ учрежденія, о наградахъ и наказаніяхъ, практикуемыхъ въ Восп. домѣ, и тѣлесныя наказанія запрещаются (и И. Екатерина признавала одно наказаніе—стыдъ, а если онъ не дѣйствуетъ,—виноваты тираны, умертвившіе стыдъ въ людяхъ); потомъ говорится о привилегіяхъ Воспит. дома, причемъ ему предоставляется право устройства лоттерей съ благотворитель-

ною цѣлью, получаетъ онъ (и до сихъ поръ) и известную часть сбора со всякихъ зрѣлищъ.

Проектъ Бецкого былъ немедленно одобренъ особымъ комитетомъ; затѣмъ, 1 сентября 1763 г. подтвержденъ Императрицей и опубликованъ въ печати, причемъ въ него вошли и обращенія къ любезнымъ читательницамъ, которыя такимъ образомъ перешли и въ Полное Собрание Законовъ. Святѣйшій Синодъ далъ этому проекту свое благословеніе.

Воспитательный домъ былъ открытъ въ томъ же году, и цѣль Бецкого была вполне достигнута—подкидыши стали поступать въ огромномъ количествѣ; но Бецкой рѣшился еще болѣе расширить свое дѣло и пополнилъ генеральный планъ новыми параграфами, которые тѣмъ же порядкомъ были утверждены Императрицею въ 1767 г., пріобрѣти силу закона. Въ числѣ этихъ параграфовъ не мало посвящено заведывавшему Восп. домомъ Опекунскому Совѣту, между членами котораго Бецкой особенно хлопочетъ установить согласіе. Не нужно быть особенно прозорливымъ, чтобы догадаться, что члены Опекун. Совѣта, по старому славянскому обычаю, ссорились между собою даже и по поводу столь мирнаго и благотворительнаго дѣла, какъ заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ. Много говорится и о точномъ исполненіи обязанностей служащими въ Восп. домѣ, что тоже не лишено значенія; а относительно дѣтей сказано: «Не требуется производить изъ сихъ дѣтей народа храбраго и побѣдоноснаго, ниже составлять изъ нихъ артели разбойниковъ, все въ пепелъ обращающихъ, а надлежитъ здѣсь произвести людей дружелюбныхъ, повинующихся закону, боящихся и почитающихъ Бога и начальниковъ своихъ». Новинкою являются требованія, чтобы дѣвочки вообще учили тому же, что и мальчиковъ, чтобы дѣтей учили бухгалтеріи, и особенно подчеркиваніе того, что необходимо воспитывать третій чинъ въ государствѣ. Въ предисловіи къ этому новому плану Бецкой тоже счелъ нужнымъ особенно подробно распространяться и о томъ образованіи, которое должно давать дѣтямъ для воспитанія средняго рода людей.

Небезъинтересно, что когда всѣ проекты Бецкого были напечатаны въ особой книжкѣ, она была украшена эмблематическими рисунками, относящимися къ содержанію того или другаго мѣста. На заглавномъ листѣ помѣщена медаль въ память учрежденія Восп. дома: на одной сторонѣ изображена Императрица,

на другой—женщина съ ребенкомъ въ виду большого зданія (вѣроятно, Восп. дома) и другая женщина съ крестомъ, говорящая первымъ: И вы живы будете. Къ обращенію Бецкого къ Екаторинѣ приложена картина, гдѣ изображена женщина, вырывающая ребенка изъ рукъ скелета-смерти, и написано: Онъ такъ же человекъ и жизнь его священна. Предисловію Бецкого отъ 1767 г. соответствуетъ рисунокъ, на которомъ ребенокъ надѣвается розовую гирлянду на мирно стоящаго льва, и написано: Воспитаніемъ укрощаются нравы. Самый проектъ Воспит. дома открывается изображеніемъ женщины, кормящей ребенка грудью, съ надписью: Не мной рождены, но мнѣ любезны, какъ мои дѣти. Надъ параграфомъ о воспитателяхъ помѣщена аллегорическая фигура времени съ надписью: Все можно возратить, кромѣ времени; а въ другомъ проектѣ изображено дитя, удирающее отъ мушины съ поднятою палкою къ женщинѣ, простирающей къ нему руки, полныя цвѣтовъ, и надпись: Благосклонностью все, а принужденіемъ ничего. Надъ параграфомъ о наградахъ и наказаніяхъ пожилой мужчина съ лавровыми вѣнками въ рукахъ и надпись: Суровость не исправляя ожесточаетъ. Надъ параграфами о принимаемыхъ младенцахъ изображена величественная женщина и есть надпись: Непчастныхъ малейшій стонъ мнѣ сердце пронзаетъ; а надъ параграфами о госпиталѣ для бѣдныхъ родильницъ—женщина глубоко задумавшаяся и надпись, хотя и лаконическая, но знаменательная: Кто не человекъ! и т. д.

Какъ ни наивны эти эмблемы, дѣйствительно способны теперь возбудить улыбку, но ихъ смыслъ въ то же время и трогательный.

Какъ ни заботился Бецкой о своемъ Воспит. домѣ, или даже домахъ, ибо вслѣдъ за Московскимъ былъ открытъ таковой же и въ С.-Петербургѣ, но ходъ дѣлъ въ нихъ далеко не могъ его удовлетворить. Главною бѣдою была высокая смертность воспитываемыхъ, доходившая до 98½%. Московскій Опекунскій Совѣтъ въ 1768 г. призналъ необходимою мѣрою раздачу дѣтей на воспитаніе въ деревни. Это дѣйствительно уменьшило смертность въ Восп. домѣ болѣе, чѣмъ на половину; но въ деревняхъ, изъ за крайнихъ нарушеній основныхъ правилъ питанія и ухода, гибель дѣтей выражалась не меньшею, чѣмъ прежде, смертностью, и такимъ образомъ воспитываемые, въ смыслѣ сохраненія ихъ жизни и здоровья, ровно ничего не

выигрывали: ихъ въ концѣ концовъ ожидала та же скоропостижная смерть, лишь при другой обстановкѣ и въ силу, пожалуй, нѣскольکو иныхъ или видоизмѣненныхъ причинъ. Я, впрочемъ, опять считаю себя обязаннымъ напомнить, что таковыя же, а иногда хуже, были результаты воспитательныхъ заботъ въ то время и за границую. Напр. въ Руанѣ въ XVIII ст. 132 ребенка отправлены были за городъ на свѣжій воздухъ, какъ бы на санитарную станцію, для питанія коровьимъ молокомъ. Экспериментъ имѣлъ такой результатъ — чрезъ 10 мѣсцевъ изъ указаннаго числа осталось въ живыхъ только 13 дѣтей.

Приписывая недостатки своихъ Восп. домовъ скудости матеріальныхъ средствъ, Бецкой старался привлечь къ дѣлу знатнѣйшихъ вельможъ и богатѣйшихъ людей; въ числѣ ихъ позднѣе былъ пресловутый чудакъ Демидовъ, который жертвовалъ сотни тысячъ; а затѣмъ по докладу же Бецкого для доходовъ дома учреждены были вдовья, сохранная и ссудная казны. Изъ нихъ одна ссудная казна могла бы давать значительный доходъ; но знатные благотворители разобрали деньги взаймы, и полученіе не только процентовъ, но даже и занятаго капитала оказалось сопряженнымъ съ большими трудностями; и лишь много позднѣе обращеніе въ пользу Восп. дома дохода съ картъ, конечно, вполне обезпечило его въ матеріальномъ отношеніи. Бецкой же и до самой смерти не могъ добиться, чтобы Восп. домъ дѣйствительно воспитывалъ, а не морилъ своихъ питомцевъ.

Признаніе подкидышей представляетъ не единственный видъ заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ во времена Екатерины II; ихъ нужно было и учить, что, какъ мы видѣли, практиковались и въ Воспит. домахъ съ цѣлью созданія новой породы людей. Здѣсь были спеціальныя классы ремесленниковъ и фабрикантовъ, а нѣкоторыхъ дѣтей отправляли въ Академію Художествъ или даже за границу — для усовершенствованія. Результаты этихъ заботъ довольно проблематичны. Затѣмъ открытъ былъ въ С.-Петербургѣ, по образцу славившагося въ то время С. Сирскаго во Франціи, институтъ для дѣвицъ, знаменитый Смольный Монастырь. Въ немъ воспитывались на казенный счетъ дѣвушки благороднаго происхожденія, но было отдѣленіе и для мѣщанокъ. Это, впрочемъ, не дѣлало въ то время разницы, такъ какъ въ воспитаніи преслѣдовалась одна и та же цѣль — созданіе новой породы людей. Въ силу ея дѣвушки совершенно изолированы

были отъ своихъ семействъ; воспитываться онѣ должны были въ простотѣ и даже бѣдности, причемъ дѣятельность ихъ была, однако, регламентирована массою предписаній, которыя стремились все предвидѣть и предусмотрѣть въ ихъ жизни, даже время раздачи варенаго чернослива. Наконецъ, въ воспитаніи огромную роль играли гуманныя принципы; старались, если не примѣромъ, то словомъ развить въ дѣтяхъ чувствительность, особенно дѣйствуя путемъ разыгрыванія ученицами тогдашнихъ театральныхъ произведеній, героини которыхъ переполнены были высокими чувствами. Какъ ни плоха была тогда средняя русская семья, столь художественно изображенная напр. Фонъ-Визинимъ, и какъ ни вредно было бы ея вліяніе, но то бѣда, что по окончаніи курса не всѣ же дѣвушки становились фрейлинами Е. И. Величества; большинство снова попадало въ семью, и положеніе такихъ было трагическое, ибо онѣ выносили изъ закрытаго заведенія необыкновенно розовый «институтскій» взглядъ на жизнь, мало пригодный для горькой дѣйствительности. Затѣмъ самая бѣдность и простота, въ которой ихъ будто бы воспитывали, были очень и очень относительными, и даже состоятельная дѣвушка могла принять за лачугу довольно удобный отцовскій домъ сравнительно съ палатами Смольнаго Монастыря. И плохимъ утѣшеніемъ было то, что окончившія Смольный Монастырь могли съ успѣхомъ участвовать въ благородныхъ спектакляхъ. Извѣстный порицатель екатерининской эпохи кн. Щербатовъ прямо говоритъ, что изъ дѣвичьева Монастыря для воспитанія дѣвицъ, ни ученыхъ, ни благонравныхъ дѣвицъ не вышло, какъ толико, поелику природа ихъ самъ снабдила, и воспитаніе болѣе состояло играть комедіи, нежели сердце, нравы и разумъ исправлять.

По тому же плану реформированъ былъ И. Екатериною Кадетскій Корпусъ, изъ котораго почти не вышло военныхъ людей; для произведенія же средняго рода людей открыто было Коммерческое Училище, тоже, кажется, не давшее Россіи ни одного коммерсанта; составлены были проекты нормальныхъ школъ, но школы даже не были открыты. Словомъ, русская жизнь не укладывалась въ Зап. Европ. рамки, и воспитательно-благотворительныя теоріи Екатерины II и Бецкого оставили по себѣ болѣе значенія въ литературѣ, нежели въ жизни.

Еще при жизни И. Екатерина передала главное вѣдѣніе бла-

готворительными дѣлами своей невѣсткѣ, Б. Кн. Маріи Ѳеодоровнѣ, имя которой и понынѣ сохраняется въ названіи обширнаго вѣдомства, имѣющаго благотворительно-воспитательный характеръ. Особа высокаго нравственныхъ достоинствъ, В. Княгиня, а затѣмъ Императрица Марія Ѳеодоровна чужда была вліянію раціоналистическихъ идей XVIII в. и не могла задаваться цѣлью примѣненія ихъ на практикѣ. На благотворительность она смотрѣла просто, какъ на благотворительность, но, по природной добротѣ своей, а равно и влѣдствіе занимаемаго Ею положенія, стремилась сдѣлать благотворительность въ Россіи какъ можно болѣе широкою и разнообразною.

Главное вниманіе Императрица все же обращала на воспит. дома, которыми она управляла сперва совершенно въ направленіи Бецко́го; но фактъ вымиранія питомцевъ не могъ не смущать Ее. Въ 1804 г. главный помощникъ Ея по трудамъ Ст. Секр. Виламовъ представилъ даже докладъ о совершенномъ закрытіи воспитательныхъ домовъ, какъ учреждений, достигшихъ, по характеру ихъ дѣятельности, полного отрицательнаго апогея. Указывая на прискорбный фактъ, что за все время существованія Московскаго Воспит. дома изъ поступавшихъ туда дѣтей оставалось въ живыхъ меньше 10%, Виламовъ, какъ на главнѣйшую причину, указалъ на недостатокъ для нихъ хорошихъ кормилицъ. Императрица не согласилась на закрытіе воспит. домовъ, но приказала выдавать отъ казны пособіе матерямъ, соглашавшимся кормить собственныхъ дѣтей. Какъ и можно было ожидать, мѣра эта мало помогла дѣлу: огромный наплывъ дѣтей въ пріюты продолжался по прежнему, не уменьшалась и смертность. Въ 1810 г. была принята болѣе дѣйствительная мѣра для уменьшенія пріема — установлены были регистрація и собираніе чрезъ полицію свѣдѣній о принесенныхъ дѣтяхъ; но это значительно увеличило рискъ для дѣтей быть брошенными на улицу, такъ какъ нерѣдко матери боялись регистраціи и развѣдываній больше, чѣмъ угрызений совѣсти за оставленіе ребенка на произволъ судьбы. Черезъ 4½ г. регистрація была отмѣнена и для подкидышей снова широко открылась дверь въ пріюты, а для охраненія ихъ жизни оставались обычныя палативныя мѣры, дававшія далеко не всегда удовлетворительные результаты.

Если даже Моск. Восп. домъ, представлявшій наиболѣе

важное и матеріально обеспеченное учрежденіе, давалъ плохіе результаты, то чего же можно было ожидать отъ провинціальныхъ воспит. домовъ, которые возникали въ началѣ XIX в. именно влѣдствіе желанія расширить благотворительность; имѣемъ свѣдѣнія, что Астраханскій воспит. домъ уморилъ всѣхъ поступившихъ подъ его защиту дѣтей; не менѣ радикально призравали подкидышей въ Иркутскѣ, не оставляя ни одного изъ нихъ въ живыхъ; даже въ лучшихъ по результатамъ пріютахъ и въ гораздо болѣе позднее время смертность была всегда больше, чѣмъ на половину.

И. Марія Ѳеодоровна много сдѣлала и для расширенія образованія, даваемого воспит. домами. Мальчики могли здѣсь же кончать гимназій, дѣвочки — акушерскій институтъ или французскіе классы. Затѣмъ съ именемъ И. Маріи Ѳеодоровны связаны еще и нныя заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ; такъ при Ней были открыты извѣстныя нынѣ заведенія: Повивальный институтъ и Училище глухонѣмыхъ въ С.-Петербургѣ; наконецъ, по Ея желанію въ 1802 г. было учреждено И. Человѣколюбивое Общество, въ число обязанностей котораго входитъ воспитаніе сиротъ.

Я не имѣю въ виду рассказывать далѣе *исторію* заботъ о бѣдныхъ дѣтяхъ въ Россіи, фактически хотя и довольно разнообразныхъ, но въ сущности всегда уже строго конкретныхъ, преслѣдующихъ ближайшія непосредственно цѣли и, наоборотъ, чуждыхъ того идейнаго характера, съ которымъ мы знакомимся въ XVIII в. Я сдѣлаю лишь краткій очеркъ разнообразныхъ видовъ этой благотворительности у насъ сравнительно съ тѣмъ, что дѣлается въ этомъ направленіи на Западѣ.

Заботы о малолѣтнихъ въ Россіи по закону возложены на довольно разнообразныя вѣдомства. Во первыхъ, подъ главнымъ наблюденіемъ Министерства Внутреннихъ дѣлъ и подъ ближайшимъ надзоромъ губернскаго начальства, онѣ ввѣрены земскимъ и городскимъ учрежденіямъ, а гдѣ они еще не введены, остались въ рукахъ особыхъ присутствій, преобразованныхъ изъ бывшихъ приказовъ общественнаго призрѣнія. Во вторыхъ, онѣ поручены Собственной Е. И. В. Канцеляціи по учрежденіямъ И. Маріи. Въ третьихъ, — И. Человѣколюбивому Обществу. Въ четвертыхъ, — попечительствамъ о бѣдныхъ различныхъ вѣдомствъ; и, наконецъ, въ пятыхъ, вѣдѣніе всѣхъ частныхъ благотворительныхъ обществъ и учреждений, которыя не при-

мкнули ни къ одной изъ этихъ категорій, вѣрено тоже Мин. Вн. Дѣл. Заграницею завѣдываніе гораздо сосредоточеніе, и мы считаемъ это болѣе правильнымъ.

Изъ всей массы учреждений, имѣющихъ цѣлью заботу о бѣдныхъ дѣтяхъ, болѣе всего такихъ, которыя посвящаютъ себя заботамъ о ихъ воспитаніи; они не только содержатъ бѣдныхъ дѣтей и сиротъ, но и доставляютъ имъ образованіе, воспитывая ихъ до тѣхъ поръ, пока они не станутъ на свои ноги, и даже приспосабливаютъ имъ работу. Учрежденія эти весьма разнообразны: независимо отъ огромныхъ и разнообразныхъ учреждений, существующихъ при И. Воспитательныхъ домахъ, куда ребенокъ можетъ поступить въ моментъ своего рожденія и выйти оттуда окончившимъ высшее учебное заведеніе, существуетъ безконечное множество сиротскихъ домовъ, всякихъ пріютовъ, школъ, дающихъ какъ общее—и элементарное, и довольно высокое образованіе, такъ и ремесленныхъ, учебныхъ мастерскихъ, рукодѣльныхъ для дѣвочекъ и др. Въ иныхъ школахъ преобладаетъ церковный характеръ; иные изъ пріютовъ и школъ имѣютъ специальное назначеніе, напр. воспитываютъ сиротъ убитыхъ воиновъ, другіе дѣтей нищихъ, бродягъ, покинутыхъ; есть пріюты и школы національнаго характера (нѣмецкіе и др.), есть для бывшихъ и уже крещеныхъ иновѣрцевъ, есть (къ сожалѣнію очень и очень немногіе) и панславистическаго характера.

Независимо отъ того существуетъ немало попечительствъ, братствъ и иныхъ благотворительныхъ обществъ, ставящихъ своею задачею *покровительство* образованію для бѣдныхъ дѣтей; таковы: попечительства для сбора пожертвованій на воспитаніе бѣдныхъ дѣтей, попечительства надъ дѣтьми, отданными въ ученіе ремесламъ, общества попеченія о дѣтяхъ нищихъ, бродягъ, покинутыхъ, преступныхъ (особенно популярныя у насъ въ Одессѣ), общества поощренія трудолюбія, общества распространенія техническихъ знаній и пр. и пр.

Ознакомившись съ этимъ видомъ благотворительности относительно дѣтей заграницей (особенно меня интересовавшимъ), какъ по свѣдѣніямъ, имѣющимся въ литературѣ, такъ (хотя и немного, впрочемъ) на практикѣ, я вынесъ заключеніе, что наша русская благотворительность въ этой области вообще не только не уступаетъ, но и превосходитъ заграничную—и своею широтою, и разнообразіемъ; хотя заграницей встрѣчаются заве-

денія гораздо большія, чѣмъ у насъ, и, что особенно важно, наиболѣе гуманнымъ отношеніемъ къ воспитываемымъ. У насъ почти не встрѣчается, подобно тому какъ это бываетъ въ Германіи и Англіи, по крайней мѣрѣ не встрѣчалось, тенденціи дать почувствовать благотворяемымъ, что имъ благотворятъ, что они обязаны это чувствовать чуть ли не ежеминутно и обожать своихъ благотворителей; у насъ, дѣйствительно, въ большинстве случаевъ въ пріютахъ и школахъ устанавливаются похожія на семейныя отношенія, и любовь между благотворителями и воспитанниками бываетъ чужда фарисейства и лицемерія. Въ Англіи тоже есть тенденція воспитывать дѣтей въ семейной обстановкѣ, но эта обстановка получается искусственнымъ путемъ, и не достигаются результаты. Затѣмъ, наша благотворительность обходится и дешевле заграничной.

Изъ знакомыхъ мнѣ школъ и пріютовъ для бѣдныхъ симпатичнѣе другихъ представляются французскіе; но они страдаютъ обиліемъ регламентации и въ послѣднее время заражены крайнимъ милитарнымъ направленіемъ. Понятно происхожденіе послѣдняго, но тѣ школьные баталіоны, на которые не безъ гордости взираютъ парижане во время своихъ праздниковъ, внушали мнѣ глубокую печаль. Могу объяснить себѣ ихъ появленіе, но не могу выказать къ нимъ своего сочувствія.

Полезными и, повидимому, не существующими у насъ представляются кассы для сбереженій дохода воспитываемыхъ; во Франціи онѣ имѣютъ большіе размѣры, есть онѣ и въ Австріи. Затѣмъ, въ З. Европѣ гораздо болѣе развиты пріюты сельскохозяйственнаго характера, у насъ и довольно рѣдкіе, и съ неособенно удачною дѣятельностью. Чрезвычайно любопытны въ Англіи и С. Америкѣ корабли-пріюты, и очень обширные, напр. учебный корабль Голіафъ въ Англіи приспособленъ на 500 мальчиковъ—для подготовки матросовъ; у насъ такихъ пріютовъ совершенно нѣтъ, хотя въ нихъ была бы большая необходимость. У Англичанъ же и въ С. Америкѣ есть общества, ограждающія дѣтей отъ жестокаго съ ними обращенія; у насъ таковыя есть только относительно животныхъ.

Благотворительность С. Американскихъ Штатовъ относительно воспитанія дѣтей очень обширна, школы и пріюты находятся въ превосходныхъ помѣщеніяхъ, но по характеру она сходна съ англійскою.

Второе мѣсто въ благотворительности къ дѣтямъ занимаетъ у насъ призрѣніе новорожденныхъ дѣтей. Здѣсь по прежнему важнѣе всего дѣятельность Московск. Воспит. Дома, призрѣвающаго нынѣ до 40,000 дѣтей при 12,000 кормилицъ. Мѣстность, въ которую отдаются питомцы для вскармливанія, занимаетъ 32 уѣзда московской и шести смежныхъ съ нею губерній; этимъ промысломъ живутъ десятки тысячъ людей. Но Воспит. домъ отчасти и теперь страдаетъ смертностью поступающихъ въ него дѣтей, доходящею приблизительно до 25%. Онъ не разъ уже, слѣдуя за зап. европейскими теоріями, мѣнялъ систему приема, но достигалъ лишь очень медленнаго прогресса. Содержаніе его обходится въ 1,200,000 р. слишкомъ. Почти такіе же размѣры и такой же характеръ имѣетъ и С.-Петербург. Восп. домъ.

Какъ ни хорошо, какъ ни роскошно даже обставлены наши воспитательные дома, но ихъ все же слишкомъ мало, и это сказывается существованіемъ частныхъ пріютовъ, имѣющихъ ужасную тенденцію превращаться въ фабрики ангеловъ, т. е., проще сказать, умерщвлять призрѣваемыхъ съ корыстною цѣлью. Плохимъ утѣшеніемъ можетъ служить то, что за границею, особенно во Франціи, число такихъ преступленій даже больше, чѣмъ у насъ. Другія учрежденія у насъ представляютъ меньшій интересъ, и мы отмѣтимъ развѣ все болѣе и болѣе развивающееся у насъ учрежденіе яслей, дающихъ возможность труженицамъ матерямъ не бросать своихъ дѣтей, уходя на заработокъ. Заграницею, хотя призрѣніе новорожденныхъ играетъ видную роль въ благотворительности, но существующія учрежденія далеко уступаютъ нашимъ воспитательнымъ домамъ; если же тамъ распространены гораздо болѣе, чѣмъ въ Россіи, что тамъ и болѣе нужно по самому строю жизни.

Заботы о бѣдныхъ дѣтяхъ иныхъ разрядовъ имѣютъ у насъ значительно меньшій размѣръ, чѣмъ заграницей; имѣемъ въ виду, во первыхъ, призрѣніе слѣпыхъ дѣтей; заведенія для ихъ пріюта и обученія въ Россіи пока очень невелики и болѣе всего обязаны развитіемъ покойной Государыни И. Маріи Александровны, хотя нѣкоторые существовали и раньше; такъ Институтъ для слѣпыхъ былъ открытъ при И. Александрѣ I и организованъ знаменитымъ въ то время директоромъ Парижскаго института для слѣпыхъ Гайю. Конечно, наши скромныя учрежденія не могутъ быть поставлены въ параллель

съ такими, какъ Парижскій, Берлинскій (тоже основанный Гайю), Мюнхенскій, Дрезденскій или громадныя институты С. Америки, изъ которыхъ институтъ въ Алабамѣ призрѣваетъ до 500 слѣпыхъ дѣтей; знаменитъ еще по благоустройству небольшой еврейскій институтъ Hohe Warte близъ Вѣны изв. филантропа доктора Франкля.

Призрѣваніе глухонѣмыхъ у насъ совершается иногда совместно со слѣпными, какъ напр. въ превосходномъ Варшавскомъ институтѣ, иногда отдѣльно, напр. въ С.-Петербургскомъ училищѣ, которое, какъ и всѣ училища для глухонѣмыхъ, основанныя въ концѣ XVIII и нач. XIX вв., было копіею съ знаменитаго Парижскаго института, учрежденнаго Лепе и Сикаромъ. Эти лица, или ихъ ученики, собственно и организовали обученіе глухонѣмыхъ въ Зап. Европѣ. Кромѣ С.-Петербургскаго, очень популярно еще и Московское Арнольдское училище, директоръ котораго Т. С. Арнольдъ самъ былъ глухонѣмой, учившійся въ училищѣ С.-Петербургскомъ. Нечего и прибавлять, что училища для глухонѣмыхъ въ З. Европѣ и С.-Америкѣ значительно обширнѣе нашихъ; Нью-Йоркское, напр., призрѣваетъ свыше 500 глухонѣмыхъ дѣтей.

Для призрѣнія идиотическихъ, слабоумныхъ и отсталыхъ дѣтей у насъ сдѣлано весьма мало; мнѣ извѣстно лишь три, и то незначительныхъ: болѣе другихъ—пріютъ Иммануилъ въ Петербургѣ призрѣваетъ около 25 питомцевъ. О параллели съ иностранными заведеніями не можетъ быть и рѣчи (напр. пріютъ близъ г. Колумбуса въ штатѣ Огайо призрѣваетъ 500 идиотовъ) и, къ сожалѣнію, вовсе не потому, чтобы мы въ такихъ заведеніяхъ меньше нуждались.

Еще меньше приходится мнѣ сказать о призрѣніи дѣтей—калѣкъ и эпилептиковъ; если я не ошибаюсь, у насъ пріютовъ для нихъ нѣтъ совсѣмъ, тогда какъ заграницею они существуютъ, хотя ихъ и немного; наприм., знаменитая колонія для эпилептиковъ Бетель, близъ Билефельда, въ Германіи, можетъ призрѣвать ихъ 700.

Последній видъ заботъ о бѣдныхъ дѣтяхъ представляютъ лѣчебницы для нихъ и мѣста отдохновенія выздоравливающихъ и слабосильныхъ дѣтей. И въ этомъ отношеніи пока сдѣлано у насъ немного: есть нѣсколько обществъ попеченія о больныхъ дѣтяхъ (въ С.-Петербургѣ, имѣющее свыше 800 членовъ, Мо-

сквѣ, Одессѣ), которыя устраиваютъ лѣчебницы или вообще для больныхъ дѣтей (иногда съ интернатомъ), или для больныхъ извѣстными болѣзнями, напр. корью и другими сыпными болѣзнями, дифтеритомъ. Нѣкоторыя изъ дѣтскихъ больницъ достигаютъ значительныхъ размѣровъ, напр. на 200 кроватей.

Рядомъ съ учрежденіемъ дѣтскихъ больницъ забота о сохраненіи здоровья подрастающаго поколѣнія выражается въ устройствѣ лѣтнихъ колоній, гдѣ болѣзненные дѣти, иногда даже учащіяся въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, могли бы отдохнуть, иногда полѣчиться, напр., купаньемъ въ лиманѣ, и вообще возстановить свои силы. У насъ эта форма благотворительности получила права гражданства еще недавно и не приняла широкихъ размѣровъ, какъ за границею.

Въ большей части такихъ лѣтнихъ дачъ принято за правило дѣлить дѣтей на двѣ группы: одна живетъ на дачѣ первую половину лѣта, другая вторую. Дѣти живутъ на всемъ готовомъ, пользуются врачевнымъ и педагогическимъ надзоромъ, имѣютъ учебныя и гимнастическія занятія, предпринимаютъ дальнія прогулки. Нѣкоторыя изъ дачъ въ отчетахъ своихъ помѣщаютъ свѣдѣнія о вліяніи, какое оказала жизнь на дачѣ на здоровье дѣтей; средствомъ для опредѣленія этого вліянія служила взвѣшиванія при поступленіи на дачу и при оставленіи ея. Оказывается, что шестинедѣльное пребываніе на дачѣ давало увеличеніе вѣса тѣла въ среднемъ выводѣ до $4\frac{1}{2}$ фунтовъ, т. е. почти половину нормальнаго годоваго увеличенія вѣса дѣтей этого возраста. Не перечисляя такихъ лѣтнихъ дачъ, я укажу лишь, что одна изъ обширнѣйшихъ и хорошо поставленныхъ принадлежитъ именно тому обществу попеченія о больныхъ дѣтяхъ — Одесскому, — глубокое уваженіе къ трудамъ членовъ котораго было для меня главною причиною, почему я и рѣшился утруждать сегодня Ваше вниманіе. Конечно, заграничныя дѣтскія лечебницы и дачи и роскошнѣе, и обширнѣе. Берлинскій союзъ для учрежденія приморскихъ лечебницъ имѣетъ таковыхъ 4, призрѣвающихъ, кажется, до 500 дѣтей; очень обширна и разнообразна и дѣтельность Союза дѣтскихъ вакаціонныхъ колоній въ Лейпцигѣ, знамениты бесплатная амбулаторія для больныхъ дѣтей доктора д'Епина въ Женевѣ, съ примкнувшимъ къ нему Обществомъ дамъ и т. д. и т. д.; но, какъ мы сказали, это дѣло у насъ только начинающееся, и мы

вправѣ ожидать его значительнаго развитія въ будущемъ, особенно въ виду той паники, которая охватила въ послѣднее время все наше общество, начиная съ самыхъ высокопоставленныхъ его сферъ, относительно здоровья подрастающихъ поколѣній, и вызвала вполне консеквентную дѣятельность въ этомъ направленіи тѣхъ вѣдомствъ и учреждений, на которыя заботы объ этомъ возложены Верховною Властью.

Заканчивая этимъ свой очеркъ, я не могу не сознавать его краткости; но она умышленная; я могъ бы, особенно въ послѣдней части его, забросать Васъ цифрами, которыхъ въ моемъ распоряженіи не мало; но не это было моею цѣлью. Я лишь отчасти хотѣлъ сдѣлать сравненіе между нашею и зап. европейскою благотворительностью относительно дѣтей, а болѣе всего желалъ обратить Ваше вниманіе на ту смѣну идей, которая произошла въ ней. Я не отрицаю, что нынѣшняя благотворительность конкретнѣе, цѣлесообразнѣе, что въ благотворительности XVIII в. было немало поверхностнаго, неудачнаго, смѣшнаго; но тогда люди руководились общими идеями и, дѣлая свое, хотя бы и маленькое, дѣло, сознавали его отношеніе ко всему ходу міровой жизни и не испытывали разочарованія даже при неудачахъ. Теперь же, говорю по собственному опыту, среди занятій благотворительностью, тебя не разъ можетъ смутить мысль о пользѣ того, что ты дѣлаешь, и твой трудъ постоянно представляется тебѣ неудовлетворительнымъ и по цѣли, и по значенію.